

18+

Мариу ди Андради

Макунаима, герой,
у которого нет характера

роман

Мариу Раул Морайс ди Андради Макунаима, герой, у которого нет характера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510969

Макунаима, герой, у которого нет характера / Мариу ди Андради; пер.

с порт.: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2024

ISBN 978-5-91103-751-2

Аннотация

«Макунаима, герой, у которого нет характера» – это итог многолетних изысканий писателя, поэта, критика, одного из основателей бразильского модернизма Мариу Раула Морайса ди Андради (1893–1945), посвятившего всю свою жизнь обновлению бразильского искусства и мышления.

Главный герой романа Макунаима, представитель амазонского племени тапаньюмас, бродит по свету в поисках муйраkitана – амулета, который подарила ему Си, Мать Лесов. Эти поиски то и дело прерываются разнообразными происшествиями, отражающими мифы и легенды Бразилии. В книге сочетаются различные диалекты, фольклор, антропология и мифология, синтезирующие бразильскую идентичность. Однако присутствует и язвительная критика «бразильскости». Макунаима – лентяй, его заботят только чувственные удовольствия; он одновременно

и индеец, и чернокожий, и белый; всё это – метафора народа, который только-только формируется, а потому у него «нет характера». Тем не менее персонаж Макунаимы позволил Андради сделать то, к чему так стремился бразильский модернизм, – установить понимающий, внимательный диалог между «высокой» и народной культурой. Настоящее издание включает в себя подробный глоссарий и «Манифест антропофага» Освалда ди Андради.

Содержание

Прелюбопытнейшее предисловие	6
I	6
II	9
III	12
IV	14
V	17
VI	25
Глава 1	26
Глава 2	33
Глава 3	44
Глава 4	51
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Мариу ди Андради Макунайма, герой, у которого нет характера

Mário de Andrade

Macunaíma, o herói sem nenhum caráter

© Mário de Andrade, 1928

© В. Култыгин, предисловие, приложение,
комментарии, 2024

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2024

Прелюбопытнейшее предисловие

I

Книга, которую вы держите в руках (а может быть, она открыта в вашей читалке), произвела фурор без малого сто лет назад – и до сих пор продолжает считаться одним из главных шедевров бразильской литературы. Она была написана в эпоху манифестов и культурного возрождения Бразилии, которая искала ответ на вопросы: что такое Бразилия? Кто такие бразильцы? Кто такие – мы?

Если очень сильно обобщать, «Макунаима» – это история про путь «из провинции в столицу», в которой в полусказочном виде отражена история целой страны. Действительно: в самой первой главе появляется наш герой – «принц-замухрышка», который очень скоро становится Императором Девственного леса, чтобы почти мгновенно стать «простым парнем» из глубинки, очутившимся в мегаполисе. Здесь можно было бы вспомнить навязшее в русскоязычных ушах «небоскребы, небоскребы, а я маленький такой», но только Макунаима – герой от начала и до конца, и если он и относится сначала с недоверием к «миру машин», то этот страх очень быстро проходит: ведь всё подряд, в конце концов, можно назвать машиной!

Наш герой «совсем бесхарактерный», но это означает просто, что в нем собраны воедино все стереотипы о бразильцах: любвеобильность, беспечность, порой чрезмерная уверенность в себе – и, конечно, та самая классическая и якобы непереводаемая *saudade*, ностальгическая тоска. Это слово в романе практически не появляется, но определяет мотивацию Макунаимы: найти, найти талисман своей любимой.

На своем пути герою предстоит совершить много подвигов. Большинство из них, как многие подвиги... безрассудны, а может быть, даже бессмысленны. Так, однажды в индейской деревне наступает жестокий голод. И когда животики уже пухнут от голода, Макунаима переносит хижину своей матери на плодородный берег. Но там он видит, что мать собирает бананы для всей семьи, сердится и – переносит хижину обратно, потому что зачем братьев кормить! А могучая ведьма-затворница, услышав от него эту «героическую историю», хвалит его: «Малой такого не сделает», это взрослые дела!

Но, несмотря на это, наш герой действительно герой. Он, может быть, не самый лучший человек на свете, но читатель сопереживает ему – так же, как сопереживает Иакову в его попытке вырвать право первородства, так же, как сопереживает героям средневековых плутовских романов. Где-то он – мифологический трикстер, а где-то – наивный дурачок и жертва обстоятельств (как, например, в конце двенадцатой

главы, когда читателю может стать не по себе).

«Геройство» Макунаймы ярче всего проявляется в его способности к «сотворению мира». В Сан-Паулу – некогда столице иезуитов и катехизации коренного населения – пришелец из «внутренней Бразилии» («глубинка» по-португальски так и называется – interior, то есть «то, что внутри») не находит, в сущности, ничего нового. Всё то же, только в новом обличье: *«Братья шли теперь по серра́ду, в котором повсюду росли пальмы инажá, оурикури, бака́ба, мукажá, мирити, тукума́н, но вместо ягод и кокосовых орехов их кроны венчали перья дыма <...> Муравьеды, жар-змеи, пальмы, на которых вместо плодов растет дым, – это грузовики, трамваи, светящаяся реклама, часы, фонари, радиоприемники, мотоциклы, телефоны, столбы линии электропередачи, заводские трубы...»*

II

И населяют это место все старые знакомцы: *«На берегу... рыбачила птица туйюйю, огромная, как самолет <...> – Пассажирам просьба занять места в салоне! / Птица туйюйю обернулась машиной-самолетом, Макунаима сел между крыльями, и они взмыли в воздух».*

Чем не сотворение мира – видеть то, чего городской житель не замечает просто потому, что никогда раньше этого не видел?

В другом месте наш герой, без преувеличения, защищает бразильское небо от «европейской науки»: *«...до Макунаимы дошло, что этот самый Южный Крест, в честь которого весь город вышел сегодня гулять и смотреть фейерверк, не что иное, как четыре звезды, про которые он точно знал, что это Отец Мутуна, что живет на поле небесном. А мутун – птица, которая в доброй латинской традиции носит горделивое имя „кракса“. Герой не мог дальше слушать такую ересь от мулата и закричал: – Ну уж нетушки!»* Созвездие Южный Крест – один из ключевых символов Бразилии (его можно наблюдать на государственном флаге страны и на флаге нескольких штатов). Но, например, бразильский народ борорó видел в этих четырех звездах птицу нандú (похожа на страуса, значительно больше среднего кракса). Представители другой бразильской народности, ба-

саири́, отдельную птицу не разглядели, но называли группу созвездий, в которую входило и то, которое мы теперь знаем под именем Южный Крест, «ловушкой для птиц». Сняв «знак креста» с неба, которое раньше знать не знало этой ключевой для европейского сознания геометрической фигуры, наш герой (ну, и автор романа, конечно) позволяет загадочной и доброй птице распахнуть крылья.

Впрочем, я был неточен. Никакого знака Макунаима с неба не снимает. У него вообще нет ненависти к чему бы то ни было. «Герой совсем без характера» – помните? Вот она, «бесхарактерность». В первой четверти двадцатого века Бразилия пережила возрождение. «Кто мы? Что значит быть бразильцем?» – всё чаще стали спрашивать себя бразильцы. С кем себя ассоциировать? С иностранцами – португальцами, итальянцами, поляками, с японцами, – которые занимались развитием цивилизации, строили фабрики, заводы и привозили свои картины и литературные произведения (даже если эти картины и произведения писались здесь, они всё равно зачастую были «оттуда», из бывшей уже метрополии, из «старушки Европы»)? С индейцем – «дикарем», «варваром», «людоедом», не знающим другой одежды, кроме набедренной повязки, проводящим странные ритуалы, но знающим чащу девственного леса как свои пять пальцев, знакомым с каждой травинкой?

Свой ответ на этот вопрос Мариу ди Андради дал за шесть лет до публикации романа. В сборнике стихов «Безумству-

ющая Паулисейя», вышедшем аккурат в год столетия независимости страны (1922), Мариу заявляет: «Я – тупи́, бренчащий на лире!» В 1928 году первая глава «Макунаимы» соседствовала на страницах литературного журнала с манифестом, автор которого (однофамилец Мариу по имени Освалд) перефразировал Шекспира: «Тупу or not тупу – that is the question» – «Тупи иль не тупи – вот в чем вопрос». Оба автора склоняются к первому варианту. Но не отвергают и второго.

Так и Макунаима не отвергает Южный Крест как таковой. Пусть там будет себе, пусть его видит, кто хочет. А для кого-то он всегда будет Отцом Мутуна, живым существом, что гуляет по бескрайнему полю небесному.

Теперь, наверное, нужно сказать пару слов о языке романа. В самой первой главе вы споткнетесь о непонятные слова. Не бойтесь их: настоящих «кочек», настоящей «зауми» в «Макунаиме» очень мало. Практически все заимствования из языков коренных народов (в основном из группы тупи-гуарани) и из африканских языков существуют на самом деле и имеют точное значение. И читателю не всегда нужно их понимать.

III

Макунаима – творец, создатель, возродитель. Он возвращает Бразилии то, что она когда-то вытеснила из своей исторической памяти. И иногда, чтобы вспомнить, достаточно перечислить названия. Макунаима *«... уважал старших и прилежно посещал муруа, порасэ, торэ, бакорорó, кукуй-кóгуэ – вот эти все религиозные танцы и обряды племени»*. А потом *«слетелись аратинги, зеленокрылые ара, воробьиные попугайчики, туины, амазоны, нандаи – всевозможные попугаи от каждого попугайского племени, чтобы приветствовать Макунаиму, нового Императора Девственно-го Леса»*.

А иногда и не затем, чтобы вспомнить, а чтобы запомнить: *«...собралась куча народу: богачи, бедняки, адвокаты, официанты, каменички, подмастерья, грабители, депутаты – весь этот народ; и уже начиналась молитва»*.

В конце книги будет небольшой словарик слов и имен, о которые действительно можно «споткнуться». Примерно так же, как если читать русский перевод «Жизни двенадцати цезарей» без комментариев или исторические романы Алексея Иванова: вроде всё кириллицей, но некоторые места, если на них остановиться, нужно перечесть по нескольку раз.

Дело в том, что «бразильский язык» Мариу ди Андради включает в себя все субстраты, все основные элементы то-

го языка, на котором говорит Бразилия: от португальского до тупи-гуарани и африканского кимбунду – языка чернокожих, которых европейцы вывозили с берегов Дагомеи (современный Бенин) и других государств Западной Африки для продажи в рабство. (Заметим, что неспроста Макунаима – сын «чернокожего племени тапаньюмас».) Рассказчик истории Макунаимы использует его язык – «настоящий» язык Бразилии, со всеми его нестыковками и «ошибками носителя». Поэтому даже бразильцу, носителю бразильского варианта португальского языка, порой непросто понять все слова в романе. Ведь страна большая, и в каждом штате есть свои диалектные словечки, выражения и даже акценты.

В этом плане «Макунаиму» можно назвать «энциклопедией бразильской жизни». На протяжении романа мы не чувствуем себя в какой-то конкретной точке бразильской истории или культуры – всё это охватывает нас одновременно, мы живем внутри той Бразилии, которая была, есть и будет.

IV

Я упомянул литературный журнал. Он достоин отдельного рассказа. Издание, в котором было впервые опубликовано начало романа, называется *Revista de Antropofagia* – «Людоедский журнал», а если точнее – «Журнал антропофагии». Антропофагия – это творческое движение, созданное в 1928 году Освалдом ди Андради, Мариу ди Андради, Раулом Боппом и Тарсилой ду Амарал. Легенда гласит, что название было придумано, когда компания друзей поела лягушачьи лапки в сан-паульском ресторане: шутник Освалд, вытягивая из соуса ногу земноводного, сказал: «Смотрите, а ведь она выглядит как человеческая!» Кто-то заметил, что некоторые населяющие Бразилию племена известны своими людоедскими традициями. Почему «антропофагия», а не «каннибализм»? Тут есть тонкое культурное различие: «каннибализмом» принято называть «бытовое» людоедство, а «антропофагией» – ритуальное. Например, у народа тупи было принято убивать пленников в честном поединке, чтобы потом поглотить его силу и доблесть. Поэтому, несмотря на всю противоречивость этой метафоры, неверно называть представителей этого движения «каннибалами» (как это делают некоторые переводчики на английский язык).

«Культурная антропофагия» основывалась на следующем принципе: «поглощать всё, но производить свое». В том

же первом номере «Людоедского журнала» был опубликован «Манифест антропофагии» за авторством Освальда ди Андради. Манифест датирован так: «Пиратининга, год 374 от Пожирания епископа Сардиньи». Пиратининга – это старинное название местности неподалеку от Сан-Паулу, а епископ Пэру Сардинья – это католический священник, первый епископ Бразилии. В 1556 году корабль, на котором он плыл, потерпел кораблекрушение у берегов северо-западной Бразилии. На берегу выживших встретило воинственное племя каэте. Все выжившие были убиты и съедены.

Звучит жестоко и кроваво; но, несмотря на это, «антропофагия» была исключительно мирным литературным движением. По сути, «людоедство» было просто обобщенной и эксплицитной отсылкой к коренному населению: «новые писатели» хотели «изобрести Бразилию заново», «открыть» ее, но уже изнутри. Именно поэтому главный герой романа Мариу ди Андради – представитель *глубинной* Бразилии, который совершает «катабасис-анабасис» в направлении «цивилизации», чтобы прикоснуться к ней и вернуться домой... Тем самым он практически повторяет путешествия многих бразильских модернистов – включая Освальда ди Андради. Многие художники и писатели Бразилии учились в Европе. Те, кто склонялись к классике, выбирали классических учителей. А те, что были посмелее, учились у немецких экспрессионистов (как Анита Малфатти), французских кубистов (как Тарсила ду Амарал) или даже закрепились в Ев-

ропе, продолжая создавать там национальное искусство (как Винсенти ду Регу Монтейру, который обосновался в Париже).

Так что, как видно, часть бразильской литературы работала по принципу «культурного пищевода». Пропуская через себя неоспоримое влияние «цивилизации Старого Света», ряд авторов – и Мариу ди Андради в их числе – создавали актуальные и по сей день произведения, показывая самоидентификацию как процесс.

И в печальном финале путешествия Макунаимы, на самом деле, нет ничего страшного. Он показал нам, бразильцам (а вы, читатель, когда дойдете до финала, тоже проникнетесь «бразильскостью»), всем людям земли, что всё на свете – живое. Даже клещ, даже ядовитая лиана, полезная при ловле рыбы, «когда-то человеком были». И нельзя сказать, что его не стало. В мире Макунаимы – это видно по всему тексту – смерти больше нет.

V

Мáриу Рау́л ди Морáйс Андра́ди (Mário Raul de Moraes Andrade) родился 9 октября 1893 года в Сан-Паулу. Этому городу – столице одноименного штата – он посвятил всю жизнь. В детстве Мариу научился мастерски играть на фортепиано, а в восемнадцать лет поступил в сан-паульскую консерваторию. Однако в 1913 году умер его младший брат Ренату, и Мариу больше не выступал с инструментом из-за тремора в руках. Через шесть лет, сразу после окончания консерватории, он опубликовал свой первый стихотворный сборник под псевдонимом Мариу Собрал (Mário Sobral), который озаглавил так: «В каждом стихотворении есть капля крови» («Ná uma Gota de Sangue em Cada Poema», 1917).

Через пять лет, в 1922 году – году столетия бразильской независимости, был опубликован самый известный стихотворный сборник Мариу – «Безумствующая Паулисэя» («Pauliceia Desvairada»). Паулисэя – воплощение города Сан-Паулу (возможно, единственной настоящей любви поэта), а «безумствие» – та литературная «школа», манифестом которой являлась книга. «Грамматика возникла после построения структуры языков. А мое бессознательное знать не знает ни о грамматике, ни о структуре языков <...> Я пою так, как пою. Что с того, что другие не понимают? Говорите, силенок маловато, чтобы стать универсальным? Погодите. Я

сам сделал себе лютню и с нею брожу теперь по этому дикому городскому лесу. Подобно первобытному человеку, я сначала буду просто петь. А песнь – как симпатическая магия: она возрождает в предрасположенном, да и в просто любопытном и свободном слушателе то самое лирическое состояние, которое вызывают в нас радость, страдание, идеалы», – писал Мариу в «Интереснейшем предисловии» к «Безумствующей Паулисёе». А одно из первых стихотворение сборника заканчивается словами: «Я – тупи, брэнчащий на лютне». Тупи здесь, несомненно, самоотождествление с коренными народами Бразилии. Языки группы тупи-гуарани четыреста лет назад послужили основой лингва франка – креольского языка, который был бы понятен большинству представителей коренного населения новой земли и европейским колонистам. Этот универсальный язык получил впоследствии название *нъенгату́* (*порт. nheengatu*).

В феврале того же 1922 года в Муниципальном театре Сан-Паулу проходит невиданный доселе фестиваль всех видов искусства – Неделя современного искусства. Мариу ди Андради начал Неделю с декламации своего эссе «Рабыня, но не Изаура» («A Escrava que Não É Isaura»). В газете «Корре́йю Паулистану» (*Correio Paulistano*) друг модернистов Менотти дель Пиккья опубликовал такой анонс: «Дьявольский Мариу де Андради сообщит inferнальные вещи об изумительных творениях художников-футуристов, выступив в оправдание картин, которые столько скандала и шума наде-

лали в холле Муниципального театра. Ради одного этого стоит пойти. Ренату де Алмейда и Вила-Лобос – гениальный Вила-Лобос – обеспечат успех остальной части вечера».

Футуристом Мариу называл и другой его друг, однофамилец Освалд ди Андради. В 1921 году он опубликовал в газете «Журнал ду Комэрсису» (*Jornal do Comércio*) посвященную Мариу статью «Мой поэт-футурист». Мариу на друга обиделся, так как футуристом себя совсем не считал. Год спустя в «Интереснейшем предисловии» он напишет, возражая Освалду: «Я не футурист (из бригады Маринетти). Говорил – и повторяю еще раз. У меня есть точки соприкосновения с футуризмом. Освалд ди Андради ошибся, назвав меня футуристом. В этом моя вина. Я знал, что он пишет такую статью, и не предотвратил ее публикации. Стыд был такой, что я весь мир был готов порешить. Тщеславный я был. Хотел выйти из тени. Но теперь у меня есть чувство собственного достоинства. Надо будет вернуться в тень – пожалуйста. Я думал, это с моими идеями спорят (а идеи-то были даже не мои), а спорили с моими намерениями. Ну, а сейчас я молчать не собираюсь. Хватит, посмеялись над моим молчанием. Буду идти по жизни, взмахивая руками, как „Равнодушный“ Вагто».

Неделя современного искусства привела в том числе к образованию «Группы пяти» (*Grupo dos Cinco*), в которую входили художницы Анита Малфатти и Тарсила ду Амарал и писатели Мариу ди Андради, Освалд ди Андради и Менотти

дель Пиккья. Пока большинство участников Недели почти в буквальном смысле «не понимало, что происходит» (например, график Антониу Паим Виейра принял участие в фестивале буквально «смеха ради»), это неформальное объединение уже осознавало, какие перед бразильским модернизмом стоят цели. Одной из них было создание подлинно бразильской литературы, подлинно бразильского искусства, подлинно бразильской музыки.

В 1926 году Мариу ди Андради выпустил сборник стихов «Ромб цвета хаки» («O Losango Cáqui») и сборник рассказов «Первый этаж» («Primeiro Andar»). 1926 год также считается годом сочинения единственного музыкального произведения, которое написал Мариу ди Андради – песни «Разбитая гитара» («Viola Quebrada»). В 1927 году выходит поэтическая книга «Клан жабути» («Clã do Jabuti»). В том же году Мариу ди Андради надолго покидает свой любимый город, чтобы отправиться в путешествие по Бразилии: «по Амазонке до самого Перу, по [реке] Мадэйре до самой Боливии, по [реке] Маражб до самого „не хочу“». В поездке он ведет дневник, который будет опубликован посмертно лишь в 1976 году под названием «Турист-ученик» («O Turista Aprendiz»). Это путешествие – погружение в родную страну, и оно найдет отражение в романе «Макунаима», который будет опубликован в 1928 году и немедленно станет практически культовым.

С конца 1928 по начало 1929 года Мариу уезжает на север

Бразилии, чтобы исследовать народную культуру этого региона. На этот раз им движет интерес уже познавательный, а не только сентиментально-творческий.

Год спустя, в 1929 году, Мариу ди Андради поссорился со своим другом и однофамильцем Освалдом. Возможным поводом к окончательному раздору послужила статья шутника Освалда «Мисс Макунаима» («Revista de Antropofagia», 26.06.1929), в которой тот под псевдонимом Отасилиу Алекрин рассказал о встрече с «мисс Макунаимой». Тем не менее отношения между друзьями-однофамильцами и так были не очень: уже в 1927 году Мариу написал стихотворение «Камень в огород плохого друга»: «Ты... может, ты и зовешь меня своим другом... / Потеряв мощь своих крыльев, / сядишься на мои шипы и потом весело взлетаешь. / А больно всё равно мне. / Но я тебе больше не друг». Друзья так и не успели помириться.

В 1930 году Мариу ди Андради публикует сборник стихов «Конец всех бед» («Remate de Males») – книгу о танце и любви. В одном из стихотворений здесь снова появляется Макунаима в роли влюбленного демиурга.

Тридцатые годы для писателя стали весьма насыщенным и непростым периодом. Как и для страны. В 1930 году закончилась эпоха Старой республики и «политики кофе с молоком»: в результате военного переворота к власти пришел Жетулиу Варгас. Новая власть постепенно становилась всё более и более авторитарной; уже в 1933 году Мариу ди

Андради в письме другу жаловался на цензуру. «Жителям Сан-Паулу запрещают грустить!» – так он прокомментировал поправки, которые цензор внес в его газетную статью, удалив фрагмент о том, что городским жителям может быть грустно.

Происходит и окончательный раскол модернистского движения: больше нет ни «пау-бразил», ни «антропофагии», снова каждый сам за себя. Модернисты националистического крыла с Плиниу Салгаду (Plínio Salgado, 22.01.1895 – 08.12.1975) во главе всерьез подошли к созданию фашистской партии интегрализма. Бывший друг Мариу, Освалд ди Андради, вступил в коммунистическую партию, в которой оставался до 1945 года. Сам Мариу активной политической борьбой не занимался, но и не стеснялся в выражениях относительно действующей власти.

Тем не менее в 1934 году мэр Сан-Паулу Фабиу Праду предложил Мариу организовать и руководить только что созданным городским департаментом культуры. Писатель предложение принял, несмотря на опасение стать «преступником совести». Среди ключевых результатов его работы – организация библиотечных каталогов и фольклорная экспедиция по северным штатам Бразилии в первое полугодие 1938 года. Экспедиция стала последним «государственным» проектом Мариу ди Андради: в том же 1938 году, после очередного переворота, позволившего Жетулиу Варгасу остаться у власти и провозгласить авторитарное «Новое государ-

ство» (Estado Novo), в правительстве Сан-Паулу произошли перестановки, и новый глава города уволил многих сотрудников департамента, в том числе его руководителя. Мариу перебрался в Рио-де-Жанейро к своему другу, поэту Карлосу Друммонду ди Андради (Carlos Drummond de Andrade, 31.10.1902 – 17.08.1987), где, по свидетельствам близких, «чахнул от боли, гнева и отчаяния».

В родной и любимый город писатель вернулся в 1942 году. Тогда же он опубликовал в газете «Эстаду ди Сан-Паулу» (*O Estado de S. Paulo*) серию эссе в честь двадцатилетия Недели современного искусства. Пишет он теперь мало; выходят его стихи, написанные в тридцатые годы. В 1944 году он начал писать большую поэму «Размышления о Тьетэ» («*Meditação sobre o Tietê*»), посвященную реке, на которой стоит город Сан-Паулу. Двадцать пятого февраля 1945 года Мариу ди Андради умер от сердечного приступа, так и не закончив своего последнего произведения.

Официальной реакции на смерть писателя не было: власти недолюбливали его за то, что он недолюбливал их. В 1954 году умер Жетулиу Варгас; год спустя вышло полное собрание стихотворных сочинений Мариу ди Андради, а в 1960 году имя писателя было присвоено сан-паульской муниципальной библиотеке. Мариу ди Андради постепенно становился ключевой фигурой сан-паульской – и бразильской литературы.

Как уже было сказано, единственной настоящей любовью

Мариу был город Сан-Паулу. К людям он испытывал скорее «платоническую дружбу», как сам признавался в переписке с Мануэлом Бандейрой. Писатель не был женат, у него не было детей. Почти всю жизнь он прожил с матерью на улице Аурора в центре города.

VI

Переводчик выражает благодарность Екатерине Хованович, Александру Ливерганту, Наталье Вихревой, Анастасии Моисеевой, Марии Надъярных, Григорию Прутцкову, Юстине Ярмулович, Бруну Гомиди, Арлети Кавальер, Веллингтону Бужокасу, Эдуарду Наварру, Жуану Ларе Ганансе, Людмиле Романовской, своим родителям – всем этим хорошим людям за профессиональную помощь и дружескую поддержку.

Прелюбопытнейшее предисловие

Макунаима, герой, у которого нет характера

Глава 1

Появление Макунаимы

В дебрях девственного леса родился Макунаима, герой нашего народа. Был он черный-пречерный, дитя страха ночного. И вот как он родился: наступила такая тишина, что ничего не было слышно, кроме бормотанья великой реки Урарикоэры; оттого-то женщина из чернокожего племени тапаныумас родила ребенка-замухрышку. Этого-то ребенка и называли Макунаимой.

С самого детства мальчуган творил ужасные вещи. Заговаривал он только в шесть лет. До этого стоило к нему обратиться, а он огрызался:

– Ай, как же лень!

И больше ни слова от него не добьешься. Он не слезал с подвешенной в углу хижины люльки из ходячей пальмы да всё смотрел, как другие работают. Двое его братьев, старик Маанáпе и Жигé, мужчина в самом расцвете сил, тоже работали. А сам Макунаима муравьев давит и головы им отгрызает. Вообще-то из люльки он не вставал, но стоило ему почувать деньги, как он немедленно топал на запах, чтобы и себе пяточок урвать. И еще он очень оживлялся, когда семья в полном сборе отправлялась на речку купаться, все голенькие. В речке он беспрестанно нырял, и тогда женщины весе-

ло взвизгивали. В той речке, говорят, водятся крабики, которые то и дело норовят ущипнуть девушек своими клешнями. А когда в деревне какая-нибудь девчушка хотела с ним поиграть, он хватал ее за прелести, и девчушка убегала. Мужчинам он плевал в лицо. Но притом уважал старших и прилежно посещал муруа, порасэ, торэ, бакорорб, кукуйкбгуэ – вот эти все религиозные танцы и обряды племени.

Когда приходило время спать, он забирался в свою люльку да каждый раз забывал пописать. А потому как гамак матери находился как раз под люлькой, герой сливал свой кипяток напрямик на старуху, так что все москиты до утра разлетались, и можно было спокойно спать. И тогда засыпал, и снились ему дурные слова, невиданные непристойности, и от восторга он дрыгал в воздухе ногами.

В своих полуденных разговорах женщины неизменно обсуждали проделки героя. Они весело смеялись, повторяя, что «острый шип с детства колется». А во время одного ритуала главный колдун царь Нагб произнес речь, в которой торжественно объявил, что герой очень умен.

А когда исполнилось ему шесть лет, дали ему напиток из колокольчика, он на язычок колокольчика посмотрел, да и почувствовал, что у самого язык без костей, так и заговорил, как все. Тогда он сказал матери, чтобы она бросила чистить маниок и отвела его погулять в лес. Мать идти не захотела, потому что маниок сам себя не почистит. Макунаима тогда весь день и всю ночь ныл и хныкал. А поутру, еще затемно,

он открыл правый глаз, чтобы не пропустить то мгновение, когда мать начнет дневную работу; и, когда она встала, он проснулся совсем, открыл оба глаза и сказал ей бросить плести корзину и отвести его в лес погулять. Мать отказалась, потому что корзина ведь сама себя не сплетет. Зато тут подвернулась невестка, жена Жиге, – ее и снарядила мать погулять с сыном. Жена Жиге была очень молода, а звалась Софарá. Она с опаской подошла к малому, но на сей раз Макунаима был тих и спокоен и никаких прелестей трогать не собирался. Девушка посадила ребенка на спину и отнесла его к цветущей анинге, что росла на берегу реки. Вода была почти неподвижна и только нежно щекотала листья пальмы жавари. Здесь было красиво, бакланы и змеешейки летали над водой среди речной травы. Девушка опустила было Макунаиму на песок, но он принялся хныкать: мол, здесь муравьи! – и попросил Софару отнести его к холму, в лесную чащу. Девушка так и сделала. И как только она опустила малого на сухие листья, в заросли сыти, каладиума и коммелин, в один миг он ударился оземь и обернулся прекрасным принцем. И после этого они долго гуляли.

Когда они вернулись в хижину, девушка выглядела так, будто умаялась столько на спине дите таскать. Ведь герой немало с нею позабавился... Не успела она и положить Макунаиму в гамак, как Жиге вернулся с уловом рыбы и увидел, что подружка так за день ничего и не сработала. Жиге крепко задумался, поискал у себя клещей, а затем задал ей

перцу. Софара приняла удары, не проронив ни слова.

Жиге, ни о чем не догадываясь, принялся поутру плести веревку из ананасной травы. Что тут непонятного: он увидел свежий след тапира и теперь хотел поймать зверя в ловушку. Макунаима попросил брата дать ему немного ананасной травы, но Жиге сказал, что это малышам не игрушка. Макунаима вновь ударился в плач, и от его воплей той ночью никто больше не уснул.

На следующее утро Жиге встал пораньше, чтобы доделать ловушку, и, увидев грустного мальчугана, сказал:

– Доброе утро, радость людская.

Но Макунаима только скуксился и отвернулся.

– Что ж ты не хочешь с братом поговорить?

– Я обиделся.

– Почему? Ты чего-то хочешь?

Тогда Макунаима вновь попросил дать ему ананасной травы. Жиге зло зыркнул на него, но всё же скомандовал жене, чтобы принесла мальчишке травы. Девушка так и сделала. Макунаима поблагодарил их и отправился к колдуну, чтобы тот свил ему веревку и хорошенько пропитал ее табачным дымом.

Когда всё было готово, Макунаима попросил мать оставить маниоковое пиво кашири настаиваться самостоятельно и отвести его в лес гулять. Старуха никак не могла бросить работу, но жена Жиге оказалась тут как тут, к вашим услугам. И отправилась в лес, неся малого на закорках.

Тогда она опустила его на сухие листья, на землю, где росли амаранты и бананы, и малыш мигом подрос и превратился в прекрасного принца. Он сказал Софаре подождать немного и что он тотчас же вернется забавляться, и отправился к месту, где тапиры ходили на водопой, чтобы поставить ловушку.

Вот возвращаются они поздненько с прогулки, а Жиге уже тоже пришел домой. Он поставил свою ловушку на след тапира в другом месте. А жена его за весь день опять ничего не сработала. Жиге весь пожелтел от злости и, прежде чем поискать клещей, сильно ее избил. Но Софара только сжала покрепче зубы и терпеливо выдержала взбучку.

На другой день, не успели еще первые лучи солнца залезть на верхушки деревьев, Макунаима уже всех разбудил жутким воем: несите! несите с водопоя зверя, которого я поймал!.. Но ему никто-никто не поверил, и все принялись за свою дневную работу.

Макунаима сильно рассердился и попросил Софару сбежать на водопой просто посмотреть. Девушка так и сделала – а когда вернулась, рассказала всем, что в самом деле в ловушке лежит огромныйдохлый тапир. Всё племя отправилось за добычей, и все говорили, какой же малой умный. Когда Жиге вернулся с пустой ловушкой, все были заняты разделкой тапира. Он вызвался помогать. Когда стали раздавать, Макунаиме он не дал ни куска мяса, только одни кишки. Герой жутко разобиделся и задумал отомстить.

На другой день он попросил Софару отвести его погулять, и они остались в лесу до самой ночи. Стоило мальчику коснуться травы, как он тут же обернулся пылким принцем. Они принялись забавляться. Позабавившись три раза кряду, они побежали по лесу, играя в разные игры. Сначала они играли в салки, потом кто кого защекочет, потом закапывали друг друга в песок, потом жгли на себе солому; много разных игр они перепробовали. Вот Макунаима схватил толстый ствол резинового дерева и спрятался в воде в корнях пираньего дерева. Когда прибежала Софара, он ударил ее по голове стволом, раскроив ей темечко. Девушка упала к его ногам, содрогаясь от смеха. Тогда она схватила его за ногу. Макунаима томно застонал, не выпуская громадного ствола из рук. Тогда девушка откусила ему большой палец ноги. В ответ Макунаима, содрогаясь от доходящего до рыданий смеха, изрисовал ее тело кровью из ноги. Затем напряг мышцы, запрыгнул на лиану и в несколько прыжков оказался на самой высокой ветке пираньего дерева. Софара полезла за ним. Тонкая веточка, на которой притаился принц, наклонялась под его весом. Когда Софара тоже забралась на верхушку, они позабавились еще раз – почти висят в воздухе. После этого Макунаима захотел еще поиграть с Софарой. В могучем замахе он выгнул всё тело, но не рассчитал – ветка сломалась, и оба рухнули вниз, пересчитав все ветки, пока наконец не распластались на земле. Очухавшись, герой стал искать девушку, но ее нигде не было. Он подошел было к де-

реву – посмотреть, вдруг она зацепилась за какую-то ветку. Вдруг над собой, совсем рядом, он услышал ужасное мяуканье ягуара. Герой от страха шлепнулся на землю и закрыл глаза, чтобы не видеть, как его будут есть. Тогда раздался смех, а Макунаиме на грудь кто-то плюнул – это Софара в него и плюнула. Макунаима принялся бросать в нее камни, и, когда попадал, Софара вопила от возбуждения, вырисовывая своей плещущей кровью орнаменты на его животе. Наконец один из камней попал девушке по губам и выбил три зуба. Она спрыгнула с ветки и – бах! – приземлилась прямо на героя, который обхватил ее всем телом, визжа от удовольствия. И они позабавились еще раз.

Уже утренняя звезда Папасейя светила на небе, когда девушка вернулась домой, будто бы умаявшись столько дите на спине таскать. Но Жиге уже давно что-то заподозрил, а сегодня следил за ними в лесу и видел и превращение героя, и всё остальное. Жиге был дурак. Он разозлился. Он схватил хвост броненосца и вволю надавал им герою по заднице. С тех пор и зовут у нас хвостом броненосца плетку. Крик стоял такой жуткий, что ночь съежилась от страха, а птицы попадали на землю и превратились в камни.

Когда Жиге устал бить, Макунаима побежал на заросшую кустарником поляну, пожевал корень цереуса и вернулся жив-здоров. А Жиге отвел Софару к отцу и, воротясь, уснул, привольно развалившись в гамаке.

Глава 2

Взросление Макунаимы

Жиге был дурак, и на следующий день он явился, ведя за руку девушку. Это была его новая подружка, и звалась она Ирики. У нее была толстая тугая коса, похожая на початок маиса, в которой она прятала мышку; а еще она беспрестанно наводила красоту. Ирики красила лицо соком попугаевой пальмы и женипапу, а по утрам проводила по губам плодом асаи, так что они становились совсем пурпурными. Потом она смачивала губы соком кайенского лимона, и они оказывались совсем алыми. Тогда Ирики куталась в полосатую хлопковую накидку – черные полосы нарисованы соком пальмы акари, зеленые – соком пальмы татá; волосы она мазала соком гумирии, вот какая была красавица.

После того как съели пойманного Макунаимой тапира, на деревню чернокожих индейцев обрушился голод. Мужчины приходили с охоты с пустыми руками и рассказами о совершенно заброшенных живностью лесах. Иногда увидишь захудалого броненосца – да и тот померещился! А всё оттого, что Маанапе убил однажды на обед дельфина, и тогда жаба кунауару по имени Марагвигана, родоначальница всех дельфинов, стала чахнуть, вконец исхудала и сильно разозлилась. Она вызвала наводнение, которое уничтожило все

запасы маиса. Есть было совсем нечего, закончились даже очистки маниока, и очаг теперь служил не для приготовления пищи, а только для обогрева. Ни кусочка не осталось, чтобы на нем пожарить.

Тогда Макунаима решил развлечься. Он рассказал братьям, что в реке водятся пиябы, жежү, бриконы, полузубки – все эти речные рыбы, так что надо скорей идти за ядовитой лианой тимбó, чтобы травить рыбу! Маанапе возразил:

– Да ведь тимбо давно как закончился весь.

Макунаима как ни в чем не бывало ответил:

– Рядом с той пещерой, где зарыт клад, я видел целые заросли тимбо.

– Ну пойдем, покажешь нам, где это.

И они пошли. Берега реки размыло, и в зарослях водяного ореха было не разобрать, где песок, а где вода. Маанапе и Жиге, оба в грязи с головы до ног, перескакивали с кочки на кочку, но то и дело – трах! – спотыкались и падали в незаметные из-за мутной воды ямы. И с истошными криками выскакивали, как ужаленные, из этих ям, прикрывая руками зад, чтобы уберечься от зловредных кандирү, которые норовили в него залезть. Макунаима вдоволь посмеялся, наблюдая за обезьяньими ужимками, с которыми братцы выискивали злополучные лианы. Сам он тоже прикидывался, что ищет тимбо, но с места не сходил, осторожно держался на одном островке. Когда братцы проходили мимо него, он сгибался в три погибели и стонал от усталости.

– Отдохнул бы, малой!

Тогда Макунаима уселся на порог реки и заколотил ногами по воде, отгоняя летающих насекомых. А их было много: кусачие мошки, мокрецы, аруру́, комары, москиты, слепни, круглые мошки, мухи – все эти летающие насекомые непрерывно кружили над водой.

Когда уже дело близилось к вечеру, братцы вышли к Макунаиме злющие, ведь за всё это время они не нашли ни травинки тимбо. Герой испугался и как будто невзначай спросил:

– Ну что, нашли?

– Да ничего мы не нашли!

– А ведь я точно здесь видел тимбо. Тимбо тоже ведь жить хочется, что уж там... Он узнал, что мы за ним сюда идем, и спрятался под водой. Тимбо ведь тоже жить хочется, он тоже когда-то человеком был.

Братья подивились сообразительности мальчика и вернулись все втроем в хижину.

У Макунаимы от голода уже живот всюю сводило. На другой день он сказал старушке-матери:

– Матушка, кто перенесет наш дом на холмик на том берегу? Кто дом перенесет? Ты закрой глазки, матушка, и спроси.

Старуха так и сделала. Макунаима попросил ее еще куда не открывать глаз, а сам тем временем перенес всё: хижину, стрелы, корзины, мешки, фляги, сита, гамаки – на незатопленный открытый участок лесистого берега на холмике

на том берегу реки. Когда старуха открыла глаза, Макунаима уже всё перенес, а еще там было много дичи, рыбы, спелых бананов, было еды вдоволь. Тогда она пошла собирать земляные бананы.

– Матушка, не сочти за дерзость, но куда ты рвешь столько бананов?

– Отнесу их твоему братцу Жиге с красавицей Ирики и братцу Маанапе, а то они, бедные, поди, голодают.

Макунаима страшно расстроился. Думал он, думал и наконец сказал старушке:

– Матушка, а кто перенесет наш дом на тот затопленный берег, кто перенесет? Ты спроси так, матушка, и глазки закрой.

Старушка сказала, как велел ей сын. Макунаима попросил ее еще покамест не открывать глаза, а тем временем перенес все их пожитки на залитый водой илистый лужок на том берегу. Когда она открыла глаза, всё уже стояло как раньше, как будто ничего и с места не сдвигали, да и сама хижина стояла рядом с хижинами братца Маанапе и братца Жиге с Ирики-красавицей. И животы вспухли от голода сильнее прежнего.

Тогда старуха не на шутку разозлилась. Она схватила героя на руки и отправилась прочь. Пройдя через весь лес, они очутились в бескрайнем поле, в степи, которая зовется Иудиным Пустырем. Долго она шла по этому полю, так далеко ушла, что уже было не видать леса, а самому полю кон-

ца-края нет, и ничего на нем не растет, не движется, только колышутся деревья кешью. Даже птичка-красноспинка, что умеет петь на разные голоса, не прилетает развеять тоску-печаль. Старушка положила малыша на поле, где он больше не мог расти, и сказала:

– Теперь уходит прочь от тебя твоя матушка. Ты останешься здесь, на пустыре, и больше не вырастешь.

И ушла с глаз долой. Макунаима оглядел пустынную местность и почувствовал, что вот-вот заплачет. Но рядом никого не было, так что и плакать было нечего, – он и не стал плакать. Встал, собрался с духом и потопал вперед, перебирая кривыми ножками. Неделю брел он, не разбирая дороги и, наконец, встретил Куррупиру с его верным псом Медовиком, которые жарили мясо у своего дома. А Куррупира ведь живет на верхушке пальмы тукум и просит у людей прикурить. Макунаима спросил:

– Дедушка, не дашь ли ты мне мяса поесть?

– Что ж не дать, – ответил Куррупира.

Отрезал от своей ноги кусок, пожарил, дал мальчику и спросил:

– Что ж ты на пустыре-то делаешь, малой?

– Гуляю.

– Да ну!

– Ну да, гуляю...

Тогда Макунаима рассказал, как мать наказала его за то, что он зло поступил с братьями. И когда рассказывал про то,

как он перенес дом с благодатных земель туда, где даже зверь не пробегал, залиvisto расхохотался. Куррупира взглянул на него и пробурчал:

– Ты, малой, не мальчишка уже, ты не мальчишка... Так только взрослые поступают...

Макунаима поблагодарил Куррупиру и попросил его показать дорогу к деревне чернокожих индейцев. А Куррупира, он же хотел съесть героя, потому указал неверный путь:

– Ты иди вот здесь, мальчик-мужчина, прямо иди вот так, а как пройдешь вон тот пень, сверни налево, а там развернись и возвращайся – окажешься прямо под моими кокосами.

Макунаима пошел по дороге, которую указал ему Куррупира, но, когда увидел пень, почесал ногу, пробормотал:

– Ай, как же лень!.. – И пошел напрямик.

Куррупира ждал-ждал, а малой всё не возвращался... Тогда чудище взгромоздилось на оленя, который у него вместо коня, ударило его круглой ступней в бок и пустилось в погоню, покрикивая:

– Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса!

А мясо отвечало из живота героя:

– Что такое?!

Макунаима ускорил шаг и бегом помчался в кусты каатинги, но Куррупира гнал быстрее, и всё стремительнее и стремительнее сокращалось расстояние между чудищем и мальчуганом.

– Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса!

А мясо отвечало:

– Что такое?!

Малой в ужасе думал, что же ему делать. А в тот день была назначена лисья свадьба, и старушка Вей, Солнце, просеивала свой свет сквозь сито дождя. Макунаима увидал на дороге лужу, хлебнул мутной водицы и изверг мясо.

– Жаркое из моего мяса! Жаркое из моего мяса! – всё кричал Куррупира.

– Что такое?! – булькало мясо уже из лужи.

Макунаима нырнул в заросли и убежал.

Долго ли он шел, коротко ли, как вдруг услышал из-за большого муравейника голос, как будто какая старушка тихонько поет.

Пошел он на голос и увидел, что это старушка-агути делала маниоковую муку в типити – мешке, сделанном из листа пальмы жаситары.

– Бабуль, не дашь ли мне поесть сладкого маниока?

– Конечно, – ответила старушка. Дала мальчику сладкого маниока и спросила: – А как же ты, внучок, оказался один в этих краях?

– Так, гуляю.

– Да что ты!

– Говорю же, гуляю.

Тогда Макунаима рассказал, как обманул Куррупиру, и громко расхохотался. Старушка-агути посмотрела на него

пристально и прокартавила:

– Малой такого не сделает, внусек, малой такого не делает... Такой басковитый и такой улонец... Но не беда, это я исплавлю.

Зачерпнула она, значит, полнехонек ковш кипящего ядовитого бульона и окатила им малого с ног до головы. Макунаима и ахнуть не успел, как был весь в горячем желтом соке, только на голову не попало – сумел ею вовремя дернуть. Герой чихнул, да так сильно, что шмякнулся оземь. Тогда он стал расти-крепнуть, пока не стал наконец ладно скроенным могучим парнем. А голова, на которую не попал бульон, так и осталась насовсем плоской с затылка и с сопливой детской физиономией.

Макунаима поблагодарил старуху за ворожбу и весело устремился в родную деревню. Ночь созвала всё жучиное царство, муравьи устлали землю, а в воздухе плясали повывлезавшие из воды комары. Было жарко, как в гнезде, где насиживают яйца. Старушка тапаньюмас, мать героя, услышала доносившийся из серого далека голос сына и испугалась. Макунаима предстал перед ней с хмурым лицом и сказал:

– Мама, мне приснилось, что у меня выпал зуб.

– Значит, кто-то из родни помрет, – ответила старушка.

– Так и есть. Тебе жить одно солнце осталось. А всё потому, что ты меня родила.

На другой день братья ушли на рыбалку и охоту, старушка отправилась в поле, а Макунаима остался один с подруж-

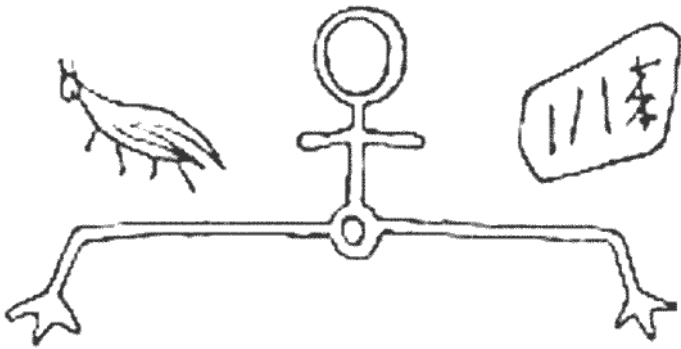
кой Жиге. Тогда он обернулся муравьем-резальщиком и укусил Ирики, чтобы сделать ей приятно. Но девушка отшвырнула муравья подальше. Тогда Макунаима обернулся помадным деревом урукú. Красавица Ирики радостно засмеялась, собрала зерна, вся разукрасилась, намазала лицо и всё прочее. Стала писаная красавица. Тогда Макунаима не вытерпел, вновь обернулся человеком и стал жить-поживать с подружкой Жиге.

Когда старшие братья вернулись с охоты, Жиге сразу понял, что его подружка ему изменила, но Маанапе сказал ему, что теперь Макунаима уже насовсем сделался взрослым парнем, причем очень крепким. Маанапе был колдун. Жиге глянул – в хижине было полно еды: были бананы, был маис, был сладкий маниок, был маисовый кисель, был кашири; было много рыбы – мапара́ и каморинов, консервов из паку́, ламантина с маракуйей; были сахарные яблоки, плоды абиу́, сапотиллы; была пасбка из оленины и свежее мясо акути – вот эти отменные яства и еще многие другие... Жиге решил, что поругаться с братом будет себе дороже, и оставил ему красавицу Ирики. Вздыхнул, поискал у себя клещей и уснул, привольно развалившись в гамаке.

На другой день Макунаима, позабавившись спозаранку с красавицей Ирики, отправился погулять. Он прошел все заколдованное пернамбукское Царство Камней и у ворот города Сантарена увидел олениху, только что давшую потомство. – То-то я на нее поохочусь! – воскликнул он и пустился в

погоню. Олениха – раз! – и ускакала, но герой подхватил ее детеныша, который едва мог держаться на ногах, спрятался за толстым стволом москитного дерева и принялся щипать олененка, так что он истошно кричал. Мама олененка вся затряслась, выпучила глаза, встала как вкопанная, развернулась и быстро-быстро побежала обратно, наконец, остановилась напротив дерева, заливаясь горячими слезами. Тогда герой пронзил молодую мать стрелой. Она упала, недолго побрыкалась и, наконец, распласталась по земле. Герой гордился новой победой. Но когда он подошел поближе к оленихе и посмотрел на нее пристально, то не смог сдержать вопля ужаса. Не иначе как Аньянга наслал это наваждение... Это была вовсе и никакая не олениха, это была совсем даже старушка тапаньюмас, мать героя, это ее Макунаима убил, это она теперь лежала перед ним на земле, вся исцарапанная колючими листьями пальм и иглами громадных кактусов.

Придя в себя, герой первым делом отправился за братьями, и все втроем всю ночь плакали, пили пальмовое пиво олонити, ели рыбу, заедали кариманом из забродившего маниока, провожая мать. Рано утром они положили тело старушки в гамак и закопали его под камнем в месте, которое зовется Муравьиным Логовом. Маанапе, а он ведь был ученый – высший класс, сделал надгробную надпись. Вот такую:

Положенное время братья постились, Макунаима всё время поста героически жаловался на жизнь. Живот покойницы медленно распухал, пока, наконец, к концу сезона дождей не превратился в большой мягкий холм. Тогда Макунаима дал руку Ирики, Ирики дала руку Маанапе, Маанапе дал руку Жиге, и все вчетвером пошли бродить по свету.

Глава 3

Си, Мать Лесов

Однажды, заплутав в лесных тропах, шли они, вконец измученные жаждой, а поблизости ни речки, ни пруда, ни болотистого игапó. Даже сочный имбú, плод которого набирает вдоволь влаги, там не рос, а меж тем Вей, Солнце, проникнув сквозь листву, нещадно хлестала путников по спине. Они взмокли, как во время ритуала, все участники которого обмазываются с ног до головы пахучим маслом плодов пеки, но продолжали идти вперед. Внезапно Макунаима встал как вкопанный и вскинул руки, делая своим товарищам знак замолчать. Все замерли и не издавали ни звука, словно ночь настала. Ничего не было слышно, но Макунаима прошептал: – Там что-то есть.

Мужчины оставили красавицу Ирики сидеть на корнях ходячего дерева сумаумы и наводить красоту, а сами стали осторожно продвигаться дальше. Вей уже устала бить своей жаркой плеткой, и через полторы лиги Макунаима оторвался от братьев и наткнулся на спящую женщину. То была Си, Мать Лесов. По ее иссохшей правой груди герой понял, что она принадлежит к племени одиноких женщин, зовущихся икамиа́бами, что обитает на берегах озера Лунное Зеркало, которое находится рядом с рекой Ньямунда́. Женщина была

красивая, а ее тело, раскрашенное женипапу, было сплошь покрыто шрамами, истерзано пороками.

Герой прыгнул на нее, чтобы позабавиться. Но Си не хотела забав. Она взяла свое трезубое копьё, а Макунаима схватился за нож. Жестокая была схватка! Вопли дерущихся разносились под листвой по всему лесу, а птички съеживались от страха. Ох и досталось же герою! Воительница разбила ему лицо в кровь и вдела копьё ему в зад, а у самой ни царапинки. С каждым движением икамиабы герой только сильнее кричал и обливался кровью, так что птицы съеживались в ужасе. Наконец, почуяв, что ему крышка, потому что никак не одолеть ему икамиабу, герой пал на землю и стал отползать, крича братьям:

– Держите меня, а то я ее убью! Держите меня, а то я ее убью!

Братья тотчас подоспели и схватили Си. Маанапе связал ей руки за спиной, а Жиге древком толстого копьё ударил по макушке. Тогда обессиленная икамиаба рухнула в заросли папоротника. Макунаима дождался, пока она перестанет шевелиться, и позабавился с Матерью Лесов. Тогда слетелись аратинги, зеленокрылые ара, воробьиные попугайчики, туины, амазоны, нандаи – всевозможные попугаи от каждого попугайского племени, чтобы приветствовать Макунаиму, нового Императора Девственного Леса.

И братья продолжили путь с новой попутчицей. Они пересекли город Цветов, миновали реку Горя, прошли под во-

допадом Счастья, вышли на дорогу Наслаждений и, наконец, прибыли в рощу Радости, что находится в холмах Венесуэлы. Оттуда Макунаима и правил таинственными лесами, пока Си руководила женщинами, что орудуют трезубыми копьями.

Вольготно жилось герою. День-деньской он беззаботно давил кочевых муравьев-тайок и шумно прихлебывал фруктовую настойку пажуари, а то брал в руки кóчо и пел под журчание его струн, и леса нежно гудели, убаюкивая змей, клещей, москитов, муравьев и злых богов.

Ночью приходила Си, пахнувшая древесным соком, окровавленная после битвы, и забиралась в гамак, который сплела из собственных волос. Они забавлялись и потом смеялись вдвоем весело.

Долго они смеялись, прижимаясь друг к другу. Си была такая ароматная, что у Макунаимы голова кружилась от слабости.

– Ну и ну! Какая же ты душистая, радость моя! – шептал он в наслаждении.

И еще сильнее принюхивался. Тогда такое блаженное изнеможение находило на него, что уж от сна глаза сами закрывались. Но Матери Лесов всё было мало, и тогда она запрокидывала гамак, так что оба оказывались сильнее прижаты друг к другу, и требовала еще забав. Полумертвый от сонливости, вконец измученный, Макунаима забавлялся лишь для того, чтобы не ударить в грязь лицом, но только женщина

хотела весело посмеяться с ним, как он устало отмахивался:

– Ай, как же лень!..

И, отвернувшись, сладко засыпал. А Си хотела еще покуда забавляться... Звала его, дразнила... Но герой спал без задних ног. Тогда Мать Лесов брала трезубое копьё и колола им своего дружка. Макунаима вскакивал, бешено смеялся и вертелся от щекотки:

– Хватит, прекрасная!

– А вот и не хватит!

– Дай поспать, солнышко...

– Давай позабавимся.

– Ай, как же лень!..

И они еще забавлялись.

Но в те дни, когда Император Девственного Леса особенно налегал на пажуари, Си несладко приходилось с таким пьяницей. Только начнут свои забавы, а герой уж и забыл, чем занят.

– Ну же, герой!

– Ну же что?

– Чего ты остановился?

– Остановился что?

– Ну вы поглядите, мы тут забавляемся, а он останавливается в самом разгаре!

– Ай, как же лень...

В такие дни Макунаима был не на коне. Поуютнее устроившись в мягких косах подруги, он сладко засыпал.

Тогда Си прибежала к хитроумному приему, чтобы оживить героя. Она бежала в лес нарвать огненной крапивы, а вернувшись, натирала ею ствол героя и свою ямочку. И Макунаима уже буквально горел желанием, как могучий лев. А Си – как львица. И оба забавлялись и забавлялись, охваченные пылкой страстью.

В бессонные ночи забавы становились еще более изобретательными. Когда горячие звезды проливали на землю невыносимо палящее раскаленное масло, лес был словно в огне. Даже птицам не спалось на маисовых полях. Они вертели головой, перелетали с ветки на ветку и – о чудо из чудес – от их нескончаемого щебета, не дававшего спать, казалось, что наступил черный-пречерный рассвет. Гул стоял невыносимый, все запахи усиливались до невозможности, а от жары и вовсе деться было некуда.

Макунаима с размаху шлепал по гамаку, и Си улетала из него прочь. Тогда она просыпалась, поднималась над гамаком и прыгала на героя. Так они и забавлялись. А затем, полностью разбуженные желанием, придумывали новые способы забав.

Шести месяцев не прошло, как Мать Лесов родила краснокожего младенца. Пришли славные мулатки из Баии, из Ресифи, из Риу-Гранди-ду-Норти и из Параибы и вручили Матери Лесов красивый яркий красный бант, ведь она теперь была главной на всех рождественских празднествах. Потом они отправились, довольные и веселые, обратно, тан-

цую на ходу, и их сопровождали футболисты, жулики, юные бездельники, и вся эта золотая молодежь пела серенады. Макунаима, как положено по обычаю, месяц отдыхал, а вот поститься отказался наотрез. Малыш родился плоскоголовым, а из-за Макунаимы его голова становилась еще более плоской, потому что отец то и дело трепал малыша по макушке, приговаривая:

– Сынок, подрастай скорей, поедешь в Сан-Паулу и заработаешь кучу денег.

Все икамиабы души не чаяли в краснокожем ребенке и при первом омовении положили в реку все свои драгоценности, чтобы малыш всегда был богат. Они послали в Боливию за ножницами, а когда ножницы прибыли, воткнули у изголовья люльки, ведь иначе придет Туту-Марамба́ и высосет у ребенка через пупок всю кровь, а у Си откусит большой палец на ноге. Пришел Туту-Марамба, увидел ножницы и промахнулся – облизал дырку от ножниц и ушел восвояси. Теперь с малыша никто глаз не спускал. Послали в Сан-Паулу за знаменитыми шерстяными ботиночками, что делает донна Ана Франсиска ди Алмейда Лейти Морайс, и в Пернамбуку за кружевными чулками «Альпийская роза», «Цветок Гуабиробы» и «По тебе страдаю», сшитыми руками доны Жоакины Лейтон, известной как Горбатая Ворчунья. Они цедили сок лучших тамариндов из садов сестер Лору-Виэйра в Обидус и давали ребенку с этим соком лекарство от глистов. Счастливая, мирная жизнь!.. Но однажды в хижину Импера-

тора влетел мрачный филин и залаял по-лисьи, предвещая беду. Макунаима затрясся от ужаса, отогнал mosкитов и еще крепче приналег на настойку, чтобы и страх тоже отогнать. Пил он, пил, напился и всю ночь проспал. Тогда пришла черная змея мусурана и принялась сосать единственную живую грудь Си, ни капли молока не оставила. А Жиге так и не удалось подоить ни одной из икамиаб, и оставшийся без кормилицы малыш сосал-сосал на следующий день материнскую грудь да отравился и помер.

Ангелочка положили в каменный гробик в форме угольной черепахи-жабути, а чтобы блуждающие огни не выели ему глазки, его закопали прямо посередине деревни под песни, пляски и пажуари.

После церемонии всё еще нарядная спутница Макунаимы сняла с себя великолепный талисман-муйракитан, отдала его Императору и поднялась по лиане в небо. Там Си живет и по сей день, не боясь муравьев, гуляет в прекрасных нарядах и не снимает украшений. Она вся светится, она стала звездой. Теперь она – Бета Центавра.

На другой день Макунаима отправился навестить могилу и увидел, что из тела его сына родилось деревце. О растении тщательно заботились, и выросла из него гуарана. Из растертых плодов ее делают лекарство от многих болезней, а также напиток, который спасает от жары, что насылает Вей, Солнце.

Глава 4

Змей, который стал Луной

На другой день герой встал ранехонько и, снедаемый тоскою по незабвенной Си, проколол себе нижнюю губу и вставил в это отверстие талисман, как того требует обычай. К горлу его подступил большущий ком. Он быстро собрал братьев, они попрощались с икамиабами и пустились в путь.

Долго они блуждали по всем этим лесам, которыми теперь правил Макунаима. Повсюду его ждали почести и, где бы он ни появлялся, его сопровождала свита из красных попугаев ара и зеленых попугаев нандайя. Долгие ночи, полные горькой тоски, герой проводил на верхушке дерева асаи, среди плодов, пурпурных, как синяки на его душе. Там сидел он, всё смотрел в небо, на красавицу Си, и всё стонал: «Треклятая!»... Тогда совсем невыносимо и горько ему становилось, и он взывал к добрым богам, напевая длинные протяжные песни...

Руда, Руда!

Ты, что иссушаешь дожди,

Сделай так, чтобы ветры моря-океана

Ворвались на мою землю

И тучи прогнали прочь,

И тогда треклятая моя станет

Светить ярко в ясном небе!..
Укроти воды всех рек,
Чтобы я, в них купаясь,
Мог забавляться с моею треклятой,
А она бы в них для меня отражалась!..

Так он пел. А затем слезал с дерева и рыдал на плече Маанапе. Жиге, всхлипывая от печали, подкладывал хворосту в огонь, чтобы герой не замерз. Маанапе, глотая слезы, взывал к белочке Акутипурú, сове Мурукутутú, жабе Дукукуú – ко всем этим хозяевам сна, приговаривая так:

Белочка-агути,
Дай своего сна кусочек
Макунаиме,
Ведь он грустит сильно очень!..

Потом он искал у героя клещей и убаюкивал его. Герой расслаблялся, успокаивался и крепко засыпал.

На другой день путники вновь отправлялись в глухие леса. И неотрывно следовала за Макунаимой свита красных ара и нандайя.

Шли они, шли, и вот однажды ранним утром, когда заря только-только начинала прогонять темноту, они услышали далекий девичий плач и отправились разузнать, в чем дело. Шли они полторы лиги и, наконец, увидели скалу, плачущую горячими слезами водопада. Макунаима спросил у скалы:

– Ты плачешь? Почему?

– Потому, что кончается на «у»!

– Расскажи, в чем дело.

И скала рассказала, что с нею приключилось.

– Да будет вам известно, что я дочь вождя МешоМешой-тики, что на наречии моего племени означает Ползучка-Ползунок, а сама зовусь Найпи. Я была самой красивой девушкой племени, и все вожди соседних племен хотели спать в моем гамаке и отведать моего мягкого тела. Но когда они приходили ко мне, я кусала и пинала их ногами того ради, чтобы проверить их силу. Ни один не выдержал, и все они отправились несолоно хлебавши восвояси.

Мое племя находилось под игом черного змея Капéя, что живет в глубокой темной пещере вместе с большими муравьями. Каждый год в ту пору, когда деревья ипé, растущие на берегу реки, покрывались желтыми цветами, змей приходил в деревню выбрать невинную деву, которая должна была ночевать с ним в его набитой скелетами пещере.

Тем утром, когда мое тело впервые заплакало кровью, требуя мужской силы, на плетеные пальмовые листья моего шалаша сел филин и прокричал страшным голосом, а потом пришел Капей и выбрал меня. Деревья ипé переливались желтым блеском, все эти цветы упали на плечи плачущего воина Тицатэ, который служил моему отцу. В деревню пришла печаль, подобная полчищам черных муравьев, и стало тихо так, что самой тишины не было слышно.

Когда старый колдун вновь вынул из ямы ночную тьму, Тицатэ собрал все упавшие цветы и пришел с ними к моему гамаку в последнюю мою свободную ночь. И тогда я укусила Тицатэ.

Кровь брызнула фонтаном из прокушенного запястья, но юноша не обратил на это никакого внимания, а лишь издал любовный стон и заполнил мне рот цветами, так что я не могла больше кусаться. Тицатэ забрался в гамак, и Найпи служила Тицатэ.

Когда мы позабавились, забыв самих себя от наслаждения, в лужах крови и на ковре из цветов муравьиного дерева, мой покоритель взвалил меня на плечо, положил меня в лодку, привязанную в потайной заводи, и мы пустились по Буйной реке, убегая от черного змея.

На другой день, когда старый колдун вновь спрятал ночь в яму, Капей пришел за мной в деревню и увидел только пустой окровавленный гамак. Он грозно заревел и бросился за нами в погоню. Он мчался всё быстрее и быстрее, уж мы слышали прямо за нами его рев, вот он уже почти догнал нас, и, наконец, воды Буйной реки поднялись до небес, раскачавшись от движений черного змея.

Тицатэ от изнеможения уже не мог грести, много крови вытекло из запястья, куда я его укусила. Потому мы не могли больше убежать. Капей схватил меня, перевернул, погадал на яйце и увидел, что я уже служила Тицатэ.

Он, наверное, хотел весь мир порешить от злости... Он

обратил меня в этот камень, а Тицатэ бросил на берег реки, превратив его в цветок. Вон там растет он, у самого берега, там, в воде, вот он! Это вон та прекрасная понтедерия, вот она машет мне своими листочками. Ее пурпурные цветы – капли крови от моего укуса, кровь эту я заморозила холодом моего водопада.

Капей живет подо мною, беспрестанно проверяя, действительно ли я забавлялась с воином. Да, забавлялась! И я буду плакать на этом камне до конца нескончаемого и тосковать по моему воину Тицатэ...

Падающая вода прервала свой рассказ. Слезы брызгали на колени Макунаимы, и он, задрожав, всхлипнул.

– Ка... кабы... кабы я встретил сейчас че-черного змея, я бы убил его на этом самом месте!

Тогда все услышали громогласный рев, и из воды появился Капей. А Капей – это был черный змей. Макунаима принял грозный вид, светясь геройством, и пошел на чудище. Капей разверз пасть и изверг целую тучу больших ос. Макунаима отчаянно бился и убил их всех. Тогда чудище размахнулось и ударило хвостом с погремушками, но в то же мгновение героя укусил за пятку муравей-древоточец, он согнулся от боли, и тяжеленный хвост змея пролетел над Макунаимой и ударил самого Капея по голове. Тогда чудище заревело громче и попыталось ударить героя в бок. Тот лишь подвинулся, схватил булыжник, размахнулся и – трах! – снес змею голову.

Тело змея унесло потоком, а голова, выпучив огромные ласковые глаза, катилась к своему победителю, чтобы поцеловать ему ноги. Герой испугался и вместе с братьями рванул в лес.

– Иди ко мне, птенчик мой, иди ко мне! – звала голова.

Братья припустили сильней. Пробежав полторы лиги, они обернулись. Голова Капеля всё еще катилась за ними. Они вновь пустились бегом, а когда устали так, что не могли уже больше бежать, забрались на дерево бакупари, что растёт на берегу реки, и решили ждать, пока голова минует их. Но голова остановилась у подножия дерева и попросила плодов бакупари. Макунаима потряс дерево. Голова собрала упавшие плоды, съела их и попросила еще. Жиге сбросил несколько плодов в реку, но голова наотрез отказалась заходить в воду. Тогда Маанапе изо всех сил размахнулся и забросил один плод далеко-далеко; пока голова катилась за ним, братья спустились с дерева и задали стрекача. Бежали они, бежали и через полторы лиги увидели дом, где жил Хананейский бакалавр. Старик сидел у дверей дома и изучал старинные документы. Макунаима сказал ему:

– Как дела, бакалавр?

– Не так плохо, безвестный странник.

– Дышим свежим воздухом, да?

– C'est vrai, как говорят французы.

– Ладно, до скорого, бакалавр, а то мне бежать надо.

И братья вновь пустились бегом. В один миг они остави-

ли позади ракушечные холмы Капутэры и Моррэти. Впереди стоял бесхозный дом. Они ворвались внутрь и крепко-накрепко закрыли дверь. Отдышавшись, Макунаима заметил, что потерял талисман, и не на шутку опечалился, ведь это было единственное, что у него оставалось в память о Си. Он было отправился обратно искать камень, но братья не пустили героя. Вскоре прикатилась голова: трах-тарарах! – заколотила она в дверь.

– Что такое?

– Откройте дверь и впустите меня!

Кайман – и тот не открыл, а наш герой и подавно. И голова не смогла войти. Макунаима же не знал, что голова теперь была в его власти и не могла причинить ему зла. Голова ждала долго-долго, а не дождавшись, стала размышлять, чем ей теперь обернуться. Станет водой – выпьют, муравьем – раздавят, комаром – прихлопнут, поездом – с рельсов сойдет, рекой – на карте отметят... И порешила так: «Стану Луной». Тогда она крикнула:

– Откройте дверь, я хочу кой-чего взять с собою!

Увидев, что дверь не открывают, Капей стал горько жаловаться. Пришел тарантул, спросил, отчего змеиная плачет голова. Та ответила, что хочет подняться в небо.

– Нить мою Солнце спалит, – ответил папаук-великан.

Тогда голова созвала черных птиц, и стало темным-темно, как ночью.

– Нити моей в ночи не увидеть, – сказал папаук-великан.

Голова отправилась в Анды за калебасом холода, принесла его и сказала:

– Ты капай по капле каждые полторы лиги, нить и побелеет от инея. В путь?

– Что ж, в путь.

Паук принялся плести нить и расстилать ее по земле. С первым порывом ветра невесомая нить взмыла в небо. Тогда папаяк-великан поднялся по ней и капнул инеем. И пока он плел нить еще выше, нижняя часть стала белой-белой. Тогда голова воскликнула:

– Прощайте, люди добрые, я в небо ухожу!

И стала, поедая нить, подниматься к бескрайним небесным полям. Братья открыли дверь и смотрели, не отрывая глаз. А голова всё поднималась и поднималась.

– Ты и в самом деле в небо отправляешься, голова?

– Угу, – промычала она, ведь она цеплялась зубами за нить и не могла открыть рта.

Когда рассвет был уже совсем близко, черный змей Капей поднялся на небо. Он изрядно растолстел, ведь столько паутины съел, и побледнел от изнеможения. Он сильно потел, и пот его падал на землю свежей росой. Луна так холодна именно оттого, что Капей ел ледяную паутину. Капей когда-то был черным змеем, а теперь он – лунная голова в бескрайних небесных полях. С тех пор тарантулы плетут свою паутину ночной порой.

На другой день братья сбегали на берег реки, искали-ис-

кали, но тщетно: нигде не было талисмана. Они спросили всех живых существ: черепаху аперёму, мартышку игрунку, маленького броненосца, ящерицу тегу, водяных и древесных скорпионовых черепах, огромную осу тапиукабу, ласточку, кукушку, дятла, чачалаку, кассика, птичку, что кричит «Таа́н!», и ее подружку, что кричит «Таин!», ящерку, что спорит с мышью, рыбу паку, рыбу тукунаре́, рыбу арапаиму, рыбу куримату, птицу ибиса, птицу йерере́ – всю эту живность; но никто ничего не знал. Тогда братья вновь отправились в путь по дорогам империи. Тяжело давили на сердце тишина и отчаяние. Макунаима то и дело останавливался как вкопанный, думая о треклятой... Как он по ней скучал! Время точно остановилось. Он непрерывно плакал. Слезы, скатывающиеся по детским щекам героя, орошали волосы, что росли на его груди. И он то и дело качал головой и вздыхал:

– Мочи нет, братцы! Сердцу первой любви не забыть – только как же без любимой быть?

И шел дальше. И везде, где он проходил со своей свитой из разноцветных попугаев, ему воздавали почести.

Однажды герой прилег в теньке, пока братья ловили рыбу; мимо проходил Чернокожий Пастушок, приемный сын Девы Марии, которому Макунаима молился каждый день. Он сжалился над несчастным и решил помочь ему – послал ему птичку-невеличку уирапуру́. Герой услышал беспокойный щебет, и птичка села ему на колено. Макунаима замах-

нулся и отогнал ее. Но минуты не прошло, как он снова услышал щебет, а птичка села ему на живот. А Макунаима больше и ухом не повел. Тогда птичка сладко запела, и Макунаима понял всё, что она пела. А пела она о том, что несчастный Макунаима потерял муйраkitан на берегу реки, поднимаясь на дерево бакупари. Но печалиться не стоит, пела птичка уирапуру, потому что муйраkitан проглотила речная черепаха, а рыбак, который ее поймал, продал зеленый камень перуанскому купцу по имени Венцеслав Пьетро Пьетра. А разбогатевший хозяин талисмана остановился в роскошном имении в Сан-Паулу, громадном городе, что ласкают воды потока Тьетэ.

Пропев всё это, птичка хвостиком махнула и упорхнула прочь. Когда братья вернулись с рыбалки, Макунаима объявил им:

– Шел я по дороге, ловил зверя на приманку, и вдруг у меня в боку защекотало. Я хлопнул – а там ухверточка, она-то мне всю правду и рассказала.

И Макунаима рассказал братьям, где находился талисман, и объявил, что собирается отправиться в Сан-Паулу на поиски этого Венцеслава Пьетро Пьетры, чтобы забрать у него похищенную драгоценность.

– ...И пусть на этом самом месте сделает себе гнездо гадюка, если я не верну муйраkitан! Хотите, братья, идите со мной, не хотите – лучше одному, чем вместе с кем попало! Ну, я-то упертый, как жаба, и если что-то мне в голову при-

шло, то я уж буду стоять на своем. Да, я отправлюсь, чтобы просто проверить, правду ли говорит птичка уирапу... то есть – тьфу! – ухвертка.

После таких речей Макунаима звучно рассмеялся, представив, как он разыграл птичку. Маанапе и Жиге решили отправиться с ним вместе, хотя бы потому, что за героем нужен был глаз да глаз.

Глава 5

Пьяйман

Едва забрезжил день, Макунаима прыгнул в камышовую лодку и вмиг домчался до устья реки Риу-Негру, чтобы оставить свою совесть на острове Марапатá. Повесил ее высоко-высоко – на самую верхнюю колючку десятиметрового кактуса, чтобы не сожрали муравьи. Тогда он вернулся обратно, где его уже дожидались братья, и все трое отправились к левому берегу Солнца.

Много разных приключений у них было, пока они шли через каатинги, реки, ручьи, дремучие чащи, пустоши, ущелья, поля белой глины, девственные леса и чудеса сертанов. Макунаима шел с братьями к Сан-Паулу. За все свои прошлые подвиги и свершения герой не накопил ни сентаву, но в глубоких гротах Рораймы были спрятаны сокровища, унаследованные от икамиабы-звезды. Из этих сокровищ Макунаима выделил для путешествия ни много ни мало сорок раз сорок миллионов зерен какао – исконной монеты этих мест – и соорудил из них тьму-тьмущую судов. И величественно и красиво двигалось по реке Арагва́йе это воинство из двухсот каноэ, соприкасаясь бортами, и, как одну большую стрелу, держала их река в своей руке. А впереди Макунаима стоя плыл в своем каноэ и, прищурившись, высматривал

город вдали. Он размышлял, кусая пальцы, которые все покрылись бородавками – ведь он то и дело указывал на звезду Си. Братья гребли, отгоняя moskitov, и с каждым ударом весел зерна какао сталкивались друг с другом, оставляя на коже воды шоколадный след, в котором весело сновали и угощались камуатá, белобрюхие пирапитинги, позолоченные дорады, красноголовые пираканжубы, чернобокие уару́, каменные сомы баку́ и другие речные рыбы.

Как-то раз Вей, Солнце, вылила на братьев столько жару, что пот на их телах стал плотным, словно чешуя, и тогда Макунаима решил, что неплохо бы наконец помыться. Но в реке искупаться было нельзя, ведь в ней жили прожорливые пираньи, которые выпрыгивали из воды на несколько метров, чтобы откусить друг от друга кусок пожирнее. Тогда Макунаима увидел среди реки скалу, а в ней – пещеру, полную воды, да такую громадную, точно это был след какого-нибудь великана. К этой-то скале они и пристали. Герой долго бегал по краю пещеры, кричал, что вода холодная, но наконец окунулся и вымылся целиком. А вода в пещере была волшебная – ведь сама пещера была не что иное, как след, оставленный колдуном Сумé, когда он в обличье святого апостола Фомы проповедовал Иисусово Евангелие бразильским индейцам. Когда герой вышел из воды, кожа его стала белой, волосы – светлыми, а глаза – голубыми, вода смыла с него всю черноту. И уже никто не разглядел бы в нем сына черного-пречерного племени тапаныюмас.

Увидев такое чудо, Жиге, недолго думая, бросился в след от ноги Суме. Но вода в нем была уже грязная от черноты героя, и сколько яростно Жиге ни тер свое тело, сколько ни окунался, сколько ни плескал на себя воду, чернота полностью не сходила, и он стал цвета только что отлитой бронзы. Макунаиме стало жаль брата, и он бросился утешать его:

– Смотри-ка, братец Жиге, ты хоть белым не стал, но чернота ушла, да и лучше гнусавым быть, чем без носа жить.

Тогда мыться полез Маанапе, но Жиге успел расплескать почти всю волшебную воду. Оставалось только чуть-чуть на самом дне пещеры, и Маанапе смог вымыть только ладони и ступни. Потому он и остался черным, как настоящий сын племени тапаньюмас. Только ладони да ступни у него теперь красные, потому что он вымыл их в святой воде. Макунаима стал его утешать:

– Не злись, братец Маанапе, не злись, брат Господень Иуда Фаддей еще не так страдал!

Что за великолепное зрелище: на краю залитой Солнцем пещеры три брата – белый, красный и черный – горделиво стоят голышом и смотрят вдаль. Все жители речных зарослей собрались поглазеть: черный кайман, красный кайман, желтобрюхий кайман, гигантский крокодиловый кайман – все эти кайманы подняли над водой и вытаращили свои каменные глаза. На ветвях инги, анинги, водяного ореха, трубного дерева, пальм и других растущих на берегу деревьев все сорок видов бразильских обезьян: сапажу, сайми-

ри, ревуны, коаты, толстые шерстистые обезьяны, бородатые красноспинные са́ки, кайра́ры – смотрели, брызжа слюной от зависти. А все разноцветные птицы: светлобрюхие, зеленокрылые, желтоногие, рыжегрудые, краснотелые-что-едят-ягоды-спелые, бледноголовые, крикливые, – все они в изумлении рты раскрыли да петь забыли. Макунаима рассердился не на шутку. Он звонко хлопнул себя по бокам и крикнул природе:

– Ну, что уставилась!

Тогда вся живность бросилась врассыпную, а трое братьев вновь отправились в путь.

И вот они уже шли по землям, омываемым потоком Тъетé. А в этих землях бурбон льется рекой, и традиционная монета здесь уже не какао, а называется так: деньги, медяки, конту, десятки, милрейсы, пятаки, червонцы, гроши, реалы, пятихатки, полтинники, железяки, цветные бумажки, звонкие, – и товар, которому ползерна какао красная цена, здесь не уступят и за двадцать тысяч зерен. Макунаима всерьез разозлился. Искать работу? Он, герой – и вдруг работать?..

– Ай, как же лень! – пробормотал он в отчаянии.

Он уже готов был отказаться от похода и вернуться обратно в места, где он был императором. Но брат Маананпе сказал так:

– Хватит уже упрямитесь, братец! Мангровое дерево не скорбит по погибшему раку! – черт подери! – не переживай ты так, уж я всё улажу!

В штате Сан-Паулу он потратил часть казны на еду, а остальное разменял на Бирже на восемьдесят новеньких конту. Маанапе был колдун. Восемьдесят конту – не так уж много, но, хорошенько подумав, герой наконец сказал братьям:

– Спокойно. Мы уж как-нибудь с этим перебеьемся, ведь коли хочешь коня вовсе без изъяна – ходи пешком.

На эти медяки Макунаима и жил.

И вот однажды темной холодной ночью братья добрались до громадного города Сан-Паулу, что раскинулся на берегах потока Тьетé, по которому ходят каноэ. И тут громко закричали, прощаясь с героем, императорские попугаи. И красочная разноцветная свита исчезла вдаль, возвращаясь в свои северные леса.

Братья шли теперь по серраду, в котором повсюду росли пальмы инажá, оурикури, бака́ба, мукажá, мирити, тукума́н, но вместо ягод и кокосовых орехов их кроны венчали перья дыма. С неба, белого от постоянного дождя, все звезды сошли на улицы города. Макунаима первым делом пустился на поиски Си. Эх! Ее не забыть ему никогда, ведь она была колдунья и знала, что гамак для забав, который она сплела из своих волос, навсегда оставит ее в памяти. Макунаима искал-искал, но на улицах и площадях встречались ему такие белые, такие белоснежные женщины, такие – просто ахнуть можно!.. У героя аж дух захватывало. Он себя забыл от сладострастия и такой красоты, прикасался к женщинам, приговаривая нежно: «Какие беленькие! какие нежненькие! ма-

ниокины дочери!» Наконец он отобрал трех и позабавился с ними на странном гамаке, который был поставлен на полу в хижине повыше гор в Паранагуá. А потом – ведь гамак был жесткий – он разлегся поперек на всех трех девушках. Эта ночь стоила ему четыреста медяков.

А утром герой понять ничего не мог. Он проснулся от криков диких зверей, доносившихся снизу, с улиц, и отскакивающих эхом от стен огромных хижин. А та обезьяна, что подняла его почти на крышу этого огромного сарая, в котором он уснул... Что за дивные звери! Какое великое множество хриплых бук, гигантских аистов, огромных говорящих макак, колдовских птиц и жар-змей на потайных тропах, в подземных ходах, на черед холмов, в которых были продырявлены отверстия, из которых выходило множество народу, и все белые-белые, вот уж точно маниокины дети!.. Герой ничегошеньки не понимал. А ведь женщины еще с ночи пытались, смеясь, втолковать ему, что макака – это никакая не макака, что называется она лифт и что это машина. А с утра они объяснили герою, что весь этот шум, гам, свист, крик, визг, топот, рычанье – совсем не то, что кажется, ведь это клаксоны, дверные звонки, свистки, моторы – и всё это машины. Пумы – это вовсе никакие не пумы, это форды, хапмобили, шевроле, доджи, мармоны – и это тоже машины. Муравьеды, жар-змеи, пальмы, на которых вместо плодов растет дым, – это грузовики, трамваи, светящаяся реклама, часы, фонари, радиоприемники, мотоциклы, телефо-

ны, столбы линии электропередачи, заводские трубы... Это машины, и всё, что ни есть в городе, тоже машина и только машина! Герой молча слушал и мотал на ус. И иногда дрожал от страха. И вновь неподвижно сидел, машинально внимал в холодном оцепенении. Его охватило полное зависти уважение к этой поистине сильной богине, женственному Тупану, которого дети маниоки называли Машиной и песнь которой призывнее и громче, чем песни Матери Воды, а ведь она какие пузыри своим голосом по воде пускает.

И тогда герой твердо решил позабавиться с Машиной, чтобы стать императором сынов и дочерей маниоки. Но три девушки громко расхохотались над ним и сказали, что все боги – это всего лишь старые враки, что нет никаких богов и что с машиной не позабавишься, потому что не влезай – убьет. Машина – это никакой не бог, да и женских частей, которые так нравятся герою, у нее нет. Она создана людьми. Она движется от электричества, от огня, от воды, от ветра, от дыма, и люди пользуются силами природы. Даже кайман в такие сказки не поверил бы, а наш герой – и подавно. Он вскочил с кровати и с громадным размахом развел руки, стукнул – хлоп! – левым локтем по сгибу правой руки, энергично повертел правой ладонью в сторону трех девушек и отправился прочь. Говорят, именно тогда был придуман знаменитый обидный жест.

И герой поселился вместе с братьями в пансионе. От той первой ночи паулистанской любви у него весь рот покрылся

белыми волдырями, и он постоянно стонал от боли. И никак это было не вылечить – до тех пор, пока Маанапе не стащил ключик от дарохранильницы и не дал его пососать Макунаиме. Герой пососал, облизал и тут же излечился. Маанапе был хороший колдун.

После этого Макунаима целую неделю не ел и не забавлялся, а только и думал о беспобедных сражениях маниокиных сынов с Машиной. Машина убивает людей, но люди при этом правят Машиной... В смятении он заключил, что маниокины сыны – бессильные хозяева машины, не знающей ни любви, ни отвращения, и что ни маниокины сыны, ни Машина не обладают тайным знанием, а иначе не мог объяснить себе все эти злоключения. Вот до чего довела его тоска. А однажды ночью, сидя с братьями на краю балкона, Макунаима объявил:

– В этой борьбе маниокиным сынам не победить Машину, а Машине не победить маниокиных сынов. У них ничья.

Больше он ничего не заключил, потому что еще не привык к длинным речам; но притом он начал потихоньку и путано, сбиваясь в собственных суждениях, размышлять о том, что Машина – это такой бог, над которым люди на самом деле не имеют никакой власти, потому что они не сделали из нее, например, понятную всем Иáру, но при этом она вот она, повсюду и всегда сопровождает человека. Во всей этой путанице ясно был виден один лучик света: это люди на самом деле были машинами, а машины были людьми. Макунаима

громко расхохотался. Он стал вновь свободен и доволен, как слон. Тогда он обратился Жиге в машину-телефон, позвонил в кабаре и заказал лангустов и французенок.

На другой день он так утомился от буйных празднеств, что почувствовал страшную тоску. И вспомнил о муйрацитане. Герой решил действовать быстро, ведь змею надо убивать с первого удара.

Венцеслав Пьетро Пьетра жил в прекрасном шатре посреди леса в конце улицы Мараньян с видом на Пакаэмбу. Макунаима сказал Маанапе, что пройдет дотуда, чтобы познакомиться с Венцеславом Пьетро Пьетрой. Маанапе произнес речь, в которой показал нежелательность такого похода ввиду того, что у купца ноги пятками вперед, а если Бог его так пометил, то это уж неспроста. Наверняка злобная нечистая сила... Да уж не Пьяймáн-людоед ли он! Макунаима и слушать не захотел.

– А я всё равно пойду. Где меня знают, там меня любят, а где пока не знают – там знакомство будет!

Тогда Маанапе решил пойти вместе с братом.

За купеческим шатром росло высокое дерево Дзалаура-Йег, которое дает любые плоды: кешью, момбины, амбареллы, манго, ананасы, авокадо, жаботикабы, гравиолы, саподиллы, пальмовые ягоды, персики, питанги, гуажиру, что пахнет подмышками негритянки, – все эти плоды есть на этом дереве. Братья были голодны. Чтобы их не заметили лакомящиеся плодами птицы и звери, они соорудили на ниж-

них ветвях дерева убежище из срезанных муравьями листьев. Маанапе наказал Макунаиме:

– Смотри, если запоет птица, не повторяй ее песни, братец, иначе плакали все мои советы!

Герой кивнул в знак согласия. Маанапе стрелял из сарбатаны, а Макунаима подбирал из-за убежища падающую дичь. Дичь падала с громким треском, а Макунаима складывал в укрытии тинаму, макак, мику, орангутанов, краксов, пенелоп, криптуреллусов, туканов – всю эту дичь. Но весь этот сыр-бор заставил Венцеслава Пьетро Пьетру прервать свое дольче фар ньенте, и он вышел посмотреть, что за шум. А Венцеслав Пьетро Пьетра – это был и в самом деле великан-людоед Пьяйман. Он вышел на крыльцо и пропел поптичьи, как будто вдали птица кричит:

– Огорó! Огоро! Огоро!

Макунаима тут же повторил:

– Огоро! Огоро! Огоро!

Маанапе понял, что грядет опасность, и тихо сказал герою:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.